

УДК: 8Р2

Рощина О.В.

Московский государственный гуманитарный университет имени М.А.Шолохова

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ПЕРСОНАЖА КАК ТИПИЗИРУЮЩЕЕ СРЕДСТВО В ОЧЕРКОВОЙ ПРОЗЕ В.М. ДОРОШЕВИЧА

O. Roschina

Sholokhov Moscow State University for the Humanities

VERBAL PORTRAIT AS TYPIFYMEANS OF CHARACTER IN THE ESSAYS PROSE OF V.M.DOROSHEVICH

Аннотация. Статья посвящена анализу художественно-документальной поэтики очерков В.М.Дорошевича. Исследуются основные приёмы типизации. Показано, что доминантным элементом «персонажной зоны» в произведениях писателя является речь персонажа. Вводится понятие «речевого портрета персонажа», рассматриваемое как основное типизирующее средство в творчестве В.М.Дорошевича. Уделяется внимание синтезирующей роли речевого портрета, анализируются основные составляющие этой характеристики. Делается вывод о том, что новаторски используемый автором приём речевого портретирования способен заменить собой целый комплекс традиционных характеристик персонажа.

Ключевые слова: типизация, художественно-документальная поэтика, «речевого портрета персонажа», социально-психологический тип.

Abstract. The article is devoted to analysis of the artistic and documentary poetics of essays of V.M.Doroshevich. We study the basic techniques of typing. It is shown that the dominant element in the «zone of character» in the works of a writer is a question of character. The notion of «verbal portrait of the character», regarded as the main typify means in the creative work of V.M.Doroshevich. Attention is paid to the role of the speech synthesizing portrait, analyzes the main components of this performance. It is concluded that the author uses an innovative technique of verbal portrayal able to replace the traditional characteristics of a complex character.

Key words: typification, artistic and documentary poetics, «verbal portrait of character», the social and psychological type.

Творчество В.М.Дорошевича в силу профессиональной специфики его репортерской деятельности представляет собой мастерский синтез литературных и журналистских приёмов создания образов и воздействия на читателя. Отличительные особенности художественно-документальной поэтики писателя – точность в выявлении типического, умение создавать запоминающиеся образы с помощью типизирующей детали, ясность и лаконичность авторских характеристик.

При этом доминантным элементом «персонажной зоны» у В.М.Дорошевича является речь персонажа, особенности её строения (лексический строй, фразовая завершённость, психологическая, интонационная и смысловая составляющие высказывания). Так, в очерке «Право отца», посвящённом проблемам незаконнорождённых детей, писатель с детальной точностью воспроизводит характеры трёх социальных типов людей – представителей ведущих настроений в обществе. Они заняты «важнейшим» вопросом о статусе незаконнорождённого ребёнка, о верной номинации «этого явления», не отдавая себе отчёта в том, что трагедия маленького человека не в правильности его «наименования» в обществе, а в его обделённости в правах, ведь он просто человек – такой же, как все:

«На лицах одних написана суровость и непреклонность. На лицах других — кротость и мягкость. Есть даже такой, который почему-то хнычет.

— Как его заклеить?

Люди с непреклонностью на лице говорят;

— Незаконнорождённым! Поставим ему эту печать.

Люди, на лице которых написана кротость, мягко возражают:

— Ну, зачем «незаконнорождённый»? Поставим просто «внебрачный». Как-то мягче, приятнее, музыкальнее! «Незаконнорождённый» — точно удар барабана, «внебрачный» — словно меланхолический свист флейты. Ей-Богу, заклеим его «внебрачным». Нежно и музыкально!

Всхлипывающий господин протискивается вперёд, всплещивает руками и начинает как-то умиленно и восторженно кривляться.

— Младенчик ты мой радостный! Ангельская твоя душенька! Личико-то! Личико! Словно печёное яблочко! Съесть тебя хочется! Ножками-то, ножками, апельсинчик, так и сучит, так и сучит» [2, с. 198].

Так с помощью портретных и речевых характеристик писатель мастерски выявляет авторскую позицию, не приемлющую фальшивое морализаторство одних и псевдогуманность других «представителей» общественной мысли. Мастер язвительной иронии, В.М. Дорошевич с той же точностью и взвешенностью, с какой он подходит к отбору детали в создании образа, обращается к каждому слову в речи героев и в произведении в целом. Ничего лишнего, только основные, яркие и меткие слова-знаки, слова-ассоциации, создающие мгновенно верные, необходимые автору представления-образы, как, например, в очерке «Тип»: «Господин Пуришкевич. Щеголеватый молодой человек. На руке золотая браслетка. Манеры заискивающие. По полу приятно скользит. Занимается стихосложением. Душу имеет возвышенную» [3, с. 181].

Многие произведения В.М. Дорошевича написаны как бы от третьего лица и пред-

ставляют собой либо письмо редактору-повествователю («Через месяц», «Что такое ребёнок», «Компетентное мнение», «Отцы и дети» и др.), либо «рассказ-воспоминание», своеобразную «исповедь» героя автору («Петербург», «Зритель», «Счастье», «Призрак»). Писатель не случайно обращается к этим формам более личного и доверительного общения. В письме человек ввиду отсутствия непосредственного контакта с адресатом способен на большую откровенность вплоть до полного саморазоблачения. То же можно наблюдать и в разговоре с глазу на глаз, когда рассказчик рассчитывает приковать к себе сочувственное внимание слушателя. Примечателен очерк «В Татьянин день». Написанный от первого лица, он представляет своеобразный поток мыслей героя, собирающегося на празднование Татьяниного дня. Насколько велико мастерство владения словом В. Дорошевича, если этот своеобразный монолог, «диалог вне партнера», лучше многословных характеристик и портретных описаний рассказывает читателю не только о жизни героя, но и о его образе и характере мыслей и поведения. Герой саморазоблачает себя в своих же репликах, обращённых к окружающим его людям, невидимо присутствующим в канве повествования. И окружение героя мы видим с его же слов: в нескольких характеристиках, которые для него идентифицируют находящиеся рядом знакомых. Имя персонажа не указано в произведении, он — тип мелкого чиновника, об этом можно судить по фразам: «Все мы казённые, и водка казённая!», «На каком основании «Мещане»? Почему «Мещане»? Отчего он ругается?» [3, с. 296]. У него есть слуги. По мере развития застолья мы узнаем, что он женат и охотлив до женщин («Желаете, я на Глашеньке женюсь? Да! И женюсь! Разведусь с женой. Она у меня умная, она поймёт, передовая женщина! Жена у меня ангел! А я с ней разведусь» [3, с. 295]). Он немолод, занимает определённую должность, и посещение «казённых мест» — одна из его обязанностей (лишний раз показаться начальству):

«Нет, обедать буду в Эрмитаже. Да разве же ты забыла? Татьянин день сегодня... Да мне бы и самому, признаться, не хотелось, да неловко... традиция, знаешь...» [3, с. 294] Женится он не по любви и отягощён семейной жизнью («Мы в ваши годы на Бронной жили! На Бронной! Ко мне Глашенька ходила. Белошвейка — Глашенька. В веснушках она была. В веснушках нос у неё! Не встречали? А вообще девица доброкачественная. И выхожу я против Глашеньки подлец! Подлец я! Понимаете, подлец!» [3, с. 295]). К тому же у него имеется «уголовный» и «по гражданским делам» («постарее») фрак, так что перед нами, скорее всего, судебный служащий, получивший эту должность или повышение по службе недавно (не забыты ещё равные отношения со слугами): «Здравствуй, Герасим!.. *И тебе также!.. Тыфу, то бишь, спасибо, спасибо, голубчик*», «С праздником, коллега! С Татьяной-с, Пётр Петрович, с Татьяной-с. Да, как вам сказать?! Года два ещё, пожалуй, протянется! *Конкурсное дело оно...*», «Сеня! Голубчик! Лет-то, зим-то сколько! Постарел-то как! Ай-ай-ай! Да неужели учительствуешь? Ах, бедняга, бедняга! А юриспруденцию по боку? Не повезло?» [3, с. 294]

Однако представление читателя от того, что мы узнаем о персонаже в первых строках произведения, по мере развития монолога меняется. В уста полупьяного развязного героя автор вкладывает незначащие и глупые, на первый взгляд, мысли, которые в данном контексте приобретают глубокий и даже философский смысл. Мы видим трагедию измельчания, деградации человека, воспитанного с юных лет на трудах демократов-шестидесятников, писателей-народников, когда-то в студенческие годы («Вы какого выпуска? Ах, 83-го?! А я 87-го» [3, с. 297].) «заражённого» самыми передовыми и гуманными идеями. Он окончил Московский университет, но не нашёл применения своим знаниям, и из его памяти практически стёрлись достижения писателей-гуманистов: «Вам говорит старый студент! Старый студент Московского университета!..», «Как

Нехлюдов в «Воскресении» у Толстого!», «Я, брат, Михайловского вот как помню! Я только названия забыл, а я помню! Стой! Как? «Дарвин и Оффенбах». Видишь, как помню?! Я, брат, на «Дарвине и Оффенбахе» воспитан! Я всосал!» [3, с. 295].

Так пьяная исповедь превращается в саморазоблачительный монолог, в пародию на передового героя эпохи и интеллигента-демагога, превратившегося в «мелкого» чело- века.

И всё это мы узнаем из непрямого диалога, диалога без собеседника. На этом приеме нередко выстраивается вся канва повествования. Такой при м характерен для манеры письма В.М. Дорошевича.

Используя гоголевскую традицию «говорящей» характеристики, своего рода слова-«клеймо», В. Дорошевич самым лаконичными средствами создаёт целую галерею выразительных социально-психологических типов и типажей: «*Сам ты тоже «кока с соком*», «*Скользкий молодой человек показался мне человеком с «коготком*» (очерк «Тип»), «*Светлая личность у вас, учитель, отрадное явление, идейный человек!*» (очерк «Через месяц»). С помощью такого приёма, как «сцепка» реплик, писатель выстраивает целостную композицию, почти не прибегая к другим художественным средствам. Такова композиция очерка «Счастье»: «И он, несомненно, был счастлив.

Тихое облачко грусти пробежало по лицам.

— Счастье, это — не знать! — сказал один.

— Счастье, это — не догадываться! — сказал другой.

— Счастье, это — верить! — сказал Пётр Иванович, наклонный к возвышенному образу мыслей.

А Фома Фомич, более наклонный к скептицизму, заметил:

— Счастье, это — кушанье для дураков! Умным людям редко приходится отведать этого блюда» [4, с. 102].

«Как журналист, я всегда боюсь цифр, — говорил Дорошевич. — Они мне кажутся

плохими помощниками для воздействия на читательские души. Я больше надеюсь на словесную аргументацию, на *эмоциональность* сообщаемого факта» [5, с. 40].

Казалось бы, факт сам по себе бесстрастен. Но у В. Дорошевича факт говорит, и кричит, и смеётся, и плачет. В этом – доминирующая особенность его литературного таланта. Часто В.М. Дорошевич создаёт образ и характер персонажа, прибегая лишь к речи героя. Любая фраза, случайно оброненная его персонажами, может показать его истинное лицо и кардинально изменить наше представление о нём. В очерке «Что такое ребёнок» писатель приводит размышления трёх отцов по поводу данного вопроса. Здесь и любящий родитель, почитающий детей как «бессмертные души», и обременённый своим чадом папаша, и «поставщик» детей – «сырого материала» государству, считающий детей «налогом на страсть в пользу» последнего. И всё воспринималось и оценивалось бы читателем однозначно, согласно собственным морально-этическим представлениям и нормам, если бы не важное дополнение автора. Он приводит саморазоблачительные постскрипты писем, из которых складывается истинный портрет их отправителей.

«Под первым была приписка:

— Нельзя ли напечатать это письмо в какой-нибудь газете? Покрупнее, на видном месте!.. И непременно за моей полной подписью. Пожалуйста! Кажется, ничего себе? А? Возвышенно!

Под вторым:

— Кажется, в современном штиле? С пессимизмом. Если напечатаете, — пришлите. Очень обяжете. У меня вообще репутация пессимиста. Знаете, это как-то делает человека интереснее.

Под третьим стояло:

— Не будете ли вы добры при случае, будто ненароком, показать это письмо его превосходительству Петру Петровичу? Вам это всё равно, а мне может принести пользу: у нас освобождается место помощника экзекутора, и мне очень хотелось бы, чтобы его

превосходительство знал образ моих мыслей. Чрезвычайно обяжете!» [2, с. 36].

Нужно заметить, что к фельетонной манере письма В.М. Дорошевич прибегает тогда, когда нет иного способа и метода влияния на читателя (либо тема, звучащая в очерке, уже неоднократно затронута писателем, либо обществом не осознаётся в полной мере абсурдность ситуации, вся полнота и серьёзность её последствий). Например, в фельетонном стиле он рассуждает об абсурдности некоторых реформ и преобразований в общественной жизни («Исторические люди дурного поведения», «Нечто о пуговицах и школе», «На том свете», «Семья и школа», «Русский язык», «Через месяц»), о неуклюжем подходе к решению детских проблем («Первый ученик», «Право отца», «Маленькие чиновники»). Там же, где общественная «слепота» ломает человека и неотвратимо ведёт к его гибели, ноты фельетона уступают место публицистической страстности. Именно так строятся очерки о судебных делах молодых преступников («Кандидаты», «Преступные подростки», «Харьковская трагедия»), о проблемах детской проституции и беспризорничестве («Детская проституция», «Брошенные дети»), о трагедиях рядовых людей («Учитель», «Горе и радости маленького человека»).

Писатель наделяет каждого персонажа не только речевой характеристикой, но и целостным речевым портретом, выявляющим социальную принадлежность, психологические особенности, нравственные устои героев очерков. Новаторски используемый автором приём речевого портретирования отличается лаконичностью, выразительностью, экономией языковых средств и способен заменить собой целый комплекс традиционных характеристик персонажа.

Таким образом, слово в произведениях В.М. Дорошевича выполняет функцию некоего синтезирующего «кода», раскрывающего человека во всей его полноте. В.М. Дорошевич типизирует характеры через речевую характеристику, придавая ей доминантное

значение и трансформируя её в «речевой портрет» персонажа.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Букчин С.В. Влас Дорошевич. Судьба фельетониста. – М., 2010. – 704 с.
2. Дорошевич В.М. Собрание сочинений. Т. 1 — М., 1905. – 265 с.
3. Дорошевич В.М. Собрание сочинений. Т. 2 — М., 1906. – 300 с.
4. Дорошевич В.М. Собрание сочинений. Т. 3 — М., 1906. – 203 с.
5. Лобанов В.М. Столешники дяди Гиляя. – М., 1972. – 183 с.
6. Морозов Н. И. Сорок лет с Гиляровским. – М., 1963. – 143 с.